

Е. СУРКОВ

Искусство критического портрета

Книга В. Щербины об Алексее Толстом примыкает к тому, к счастью, уже не маленькому списку монографий о крупнейших советских писателях, которые появились за последние полтора—два года. Впервые за многие годы наш читатель получил, наконец, целый ряд очерков о творчестве видных мастеров советской литературы, и, какими бы частными недостатками ни страдали некоторые из этих очерков, можно всё же, не обинуясь, сказать, что их изданием сделан первый заметный шаг по пути создания истории советской литературы.

Отличительная черта большинства изданных в 1950—1951 годах монографий в том и состоит, что творчество изучаемых писателей в них рассматривается как неотъемлемая часть истории всей советской литературы и — шире — всего советского общества. Такие книжки, как книжка Ан. Тарасенкова о Бажане, где творчество этого крупного украинского поэта рассматривается так, как будто на свете никогда не было ни современной, ни классической украинской литературы, представляют сейчас решительное исключение. В книгах Б. Браинной — о Федине, Е. Наумова — о Фурманове, В. Перцова — о Маяковском, В. Куриленкова — о Серафимовиче, В. Щербины — о Новикове-Прибое господствует принцип подлинного историзма. Не поверхностные, субъективистские «эссеи», а обстоятельные очерки творческого развития изучаемых писателей, взятых в их неразрывной связи с историей советского общества и советской литературы, — вот что представляют собой эти книги. И именно поэтому их появление и можно рассматривать как первое реальное приближение к созданию критической истории советской литературы.

Мечтая о создании истории русской литературы, Белинский, как известно, мыслил соединить в ней историческое рассмотрение фактов с критической (эстетической) их оценкой. К такому соединению должна стремиться и наша критика. Стоя на почве подлинно научного исторического и эстетического мировоззрения, она призвана осве-

жить богатый и разнообразный материал нашего почти уже 35-летнего литературного развития светом ясной эстетической идеи.

Именно так решена задача в новой книге В. Щербины, посвящённой Алексею Толстому. Правда, история литературной жизни эпохи, породившей данного писателя, рассматривается в ней ещё не с той полнотой, какая позволила бы считать, что Щербина уже исчерпал в своей монографии интереснейшую тему: Алексей Толстой и советская литература. Тем не менее мы вправе сказать, что творчество А. Толстого предстаёт в книге как необходимое и важное звено в общем процессе развития советской литературы. И в этом главное. История идейных и художественных исканий автора «Петра I» так, как она описана исследователем, уже сама воплощает в себе то идейно-эстетическое содержание, которое особенно важно для каждого изучающего литературу наших дней. Ни в какой мере не игнорируя индивидуального своеобразия творческой истории Толстого, Щербина в то же время сумел рассмотреть за каждым отдельным фактом его литературной биографии очертания общего историко-литературного процесса. История советской литературы, взятая в её основном и важнейшем содержании, как бы воплотилась в исследовании Щербины, в творческом опыте одного из крупнейших её представителей, и от этого конкретная литературоведческая проблематика книги приобрела отчётливо обобщающий принципиальный смысл.

В. Щербина рассматривает, например, эволюцию основных образов трилогии «Хождение по мукам», подчёркивая, что каждый из романов, вошедших в эту трилогию, «означал новую ступень в развитии мировоззрения и творчества Толстого». И этот важный вывод осмыслен в книге в широком историко-литературном аспекте. Изменения, которые претерпевали в ходе развёртывания трилогии её центральные образы и основные идейные концепции, осознаются критиком как изменения, отразившие рост не только самого писателя, но и всей нашей литературы, овладевавшей методом социалистического реализма. В. Щербина пишет: «В судьбе героев трилогии из интеллигенции мы видим как бы крайние точки

В. Щербина «А. Н. Толстой». Критико-биографический очерк. Гослитиздат. М. 1951 г. Редактор — М. Поляков.

развития мировоззрения самого писателя; от исторически узкого идеала личного, ограниченного счастья он приходит к высокому идеалу советского патриотизма, к гармоническому сочетанию личного и общественного».

Удача этой формулировки в том, что, фиксируя внимание на изменениях, происшедших в мировоззрении автора «Хождения по мукам», и раскрывая индивидуально-историческую форму, которую эти изменения приняли именно в его творчестве, она в то же время помогает понять сущность коренных перемен, происшедших за годы революции в творчестве других писателей, так же, как и Толстой, отразивших в своих произведениях историю духовного развития русской интеллигенции за последние 30—40 лет, — таких, например, как Константин Федин или Леонид Леонов. Так, вывод, который имеет, казалось бы, частный характер, на самом деле приобретает обобщающий смысл, как только мы делаем попытку проверить его не только фактами из истории творчества самого Алексея Толстого, но и всей советской литературы в целом. В этом действенность, теоретическая ёмкость критических построений исследователя.

Очень важно при этом, что В. Щербина берёт развитие писателя в его идейно-художественном единстве. Отчётливо выделяя ведущую роль идейного начала в творчестве художника и раскрывая творческую историю А. Толстого прежде всего как историю его мировоззрения, непосредственно обусловленную историей общественного развития, Щербина рассматривает политические идеи художника в их эстетическом воплощении, и поэтому идейные характеристики крупнейших произведений Толстого выступают в книге Щербины одновременно и как эстетические оценки.

Развивая своё понимание трилогии «Хождение по мукам» как сложного, внутренне противоречивого произведения, воплотившего напряжённые идейные искания Толстого за многие годы его жизни, Щербина даёт такую сравнительную характеристику вошедшим в трилогию романам: «Если для романа «Сёстры» характерны поэзия настроения, лирическая созерцательность, увлечённость личными судьбами героев, то два последних романа написаны в широкой эпической манере. «Хмурое утро» отличается от романа «Восемнадцатый год» более органическим слиянием исторического материала с художественной тканью произве-

дения. От традиционного жанра романа «частной жизни» А. Н. Толстой поднялся к революционной эпичности, характерной для монументального искусства социалистического реализма».

В этой характеристике, как видим, на первый план выдвинуты вопросы эстетического порядка. Критик особенно подчёркивает художественные различия, определяющие своеобразие каждого из романов трилогии, но за этими художественными различиями явственно проступают различия идейные, философские. Переход от традиционного романа «частных судеб» к революционному эпосу, который Щербина правильно усматривает в трилогии, рассматривается им как процесс, имеющий глубочайший идейный смысл. Анализ композиции, жанров помогает здесь критику увидеть рост политического мировоззрения художника, прошедшего в своём развитии путь от критического реализма к реализму социалистическому.

В своём анализе творчества Толстого критик последовательно исходит из известного высказывания В. М. Молотова, подчёркнувшего, что история сделала из бывшего графа А. Толстого «одного из лучших и одного из самых популярных писателей земли советской — товарища Алексея Николаевича Толстого» и что перемена эта «произошла в хорошую сторону».

В книге В. Щербины и дана история этой благодетельной перемены. И мы с тем большей наглядностью и остротой осознаём, что это действительно была перемена «в хорошую сторону», что критик берёт процессы идейно-политического и художественного развития Толстого во всей их напряжённости и внутренней динамике. В книге есть и граф А. Толстой, которому, как он сам впоследствии писал, прозила в старой России «участь Потапенко», и, разумеется, во весь рост дан образ товарища А. Н. Толстого — передового советского писателя, выдающегося представителя литературы социалистического реализма, углублённо и страстно отразившего в своём творчестве патриотические чувства и думы советских людей.

В. Щербине хорошо удалось показать исторически закономерный характер подобного коренного преобразования Толстого — преобразования, решающим образом изменившего и его личность, и его философское и политическое мировоззрение, и его художественный метод. Анализируя процесс благотворного воздействия советской обще-

ственной системы и воспитательной работы партии на творчество художника. В. Щербина конкретно показывает, какое огромное значение имели для роста писателя идеи большевизма и личное внимание и заботы товарища Сталина.

В. Щербина цитирует очень важное высказывание Толстого, сделанное им в 1945 году в беседе, опубликованной в газете «Красная звезда» после присуждения писателю Сталинской премии за роман «Хождение по мукам». «Ощущение родины, — говорил в этой беседе Толстой, — на рубеже первой мировой войны и даже в первую мировую войну в среде интеллигенции было ослаблено. И только за эти 25 лет новой жизни, и в особенности в преддверии ко второй мировой войне, стало вырисовываться перед каждым человеком глубокое ощущение связи, неразрывной связи со своей родной землёй. Мы пришли к ощущению родины через глубокие страдания, через борьбу. Никогда на протяжении, может быть, целого века не было такого глубокого и острого ощущения родины, как сейчас».

Автор книги правильно подчёркивает решающее значение этого признания для всего творчества Толстого. Через всю книгу В. Щербина проходит единая сквозная мысль о патриотизме Толстого как о главной, движущей основе его искусства. Эту основу критик вскрывает и в трилогии «Хождение по мукам», и в «Петре I», и в драматической трилогии об Иване Грозном, и в ряде других замечательных произведений писателя, вплоть до его вдохновенных статей военных лет — «Родина» и «Бессмертие».

Но, справедливо выдвигая идею родины как стержневую идею всего творчества Толстого, В. Щербина одновременно обращает внимание и на те качественные изменения, которые эта идея претерпела в процессе развития сознания писателя. Он показывает путь Толстого от расплывчатого и неясного патриотизма его ранних произведений к патриотизму советскому, так глубоко и страстно выразившемуся в наиболее зрелых творческих достижениях писателя послереволюционных лет. Мы видим, таким образом, что самая заветная духовная ценность А. Толстого — то «ощущение родины», которое неизменно питало его лучшие творческие вдохновения, — росло и крепло, меняясь в своём внутреннем содержании, вместе с ростом философского и политического мировоззрения автора «Петра I», вместе с ростом всего нашего народа.

Важнейшее достоинство работы В. Щербинны в том и состоит, что внутреннее содержание этого процесса, его последовательные этапы и движущие противоречия раскрываются перед читателями во всей конкретности и последовательности. Подход критика к материалу своего исследования строго историчен. Щербина не накладывает на творчество писателя свои идейные оценки, как нередко бывает у иных критиков, а выводит их из действительного содержания рассматриваемых произведений. Ему хорошо видны поэтому внутренние противоречия толстовского развития. Образ писателя не костенеет в его книге в торжественной, монументальной неподвижности, а живёт, движется, растёт. И направления этого движения, его основные закономерности неизменно осмысливаются в их прямой зависимости от исторического развития нашего народа.

В главе «Хождение по мукам», рассмотрев подробно характер патриотических идей, воплотившихся в различных частях трилогии, автор книги пишет: «Судьба родины — главная тема трилогии. Поступь народа, его дыхание слышны на каждой странице. «В трёх водах топлено, в трёх водах купано, в трёх щёлоках варено. Чисте мы чистого». Таков эпиграф ко второй части трилогии. Переустройство и очищение русской земли через революцию, гражданскую войну — главная творческая идея эпопеи» (подчёркнуто мною. — Е. С.).

Это очень точные и верные слова. Единство темы и творческой идеи трилогии, которое отмечает здесь критик, есть единство, достигнутое благодаря тому, что патриотизм Толстого получил в ходе идейного развития писателя новое, революционное содержание. Этого содержания не было ни в ранних произведениях Толстого, ни в первой редакции «Сестёр». Только победы социалистического строительства в СССР вооружили писателя тем «ощущением родины» как колыбели мировой революции, которое и обусловило величественный идейный и художественный масштаб лучших его произведений. Щербина верно пишет, что трилогия Толстого «проникнута размышлениями о мировой роли России», так как «социалистическая революция дала ответ на вопрос о грядущей исторической судьбе нашей родины». Отсюда же, из этих размышлений о мировой роли России, возник и «Пётр I». Как показывает исследователь, пафос этого романа, так же, как и пафос пьес об Иване

Грозном, появившихся уже в годы Отечественной войны, — в утверждении исторического величия России, силы и красоты русского национального характера.

Анализируя роман о Петре, В. Щербина правильно пишет, что в нём всё «изображение освещено предчувствием будущего», так как «поэтический образ русского народа создан Толстым (в этом романе. — Е. С.) под воздействием славных дней современности». Именно это воздействие и помогло Толстому увидеть эпоху Петра I в её истинном историческом содержании — в обострённой борьбе старого и нового, передового и косного. В своих первых произведениях, посвящённых Петру, Толстой не понимал истинного характера этой борьбы. Тогда она виделась ему бессмысленной и загадочной в своей непознаваемости и полумистической таинственности. В советские же годы Толстой ясно увидел и верно оценил те основные силы, которые столкнулись в петровскую эпоху в непримиримой борьбе. Больше того: как верно указывает В. Щербина, «А. Н. Толстой в романе «Петр первый» не ограничился только указанием, где старое, а где новое. Он стремился раскрыть всепобеждающую силу нового, отстаивал и поддерживал передовое, прогрессивное».

Эта активность творческой позиции Толстого в «Петре I» была результатом овладения им философским и историческим мировоззрением большевизма, учением марксизма-ленинизма. Как показывает автор монографии, историческое мировоззрение Толстого сложилось под воздействием гениальных высказываний товарища И. В. Сталина. Ссылаясь на признание самого писателя, он пишет, что «смысл эпохи и роль Петра Первого стала для него совершенно ясна после изучения трудов товарища Сталина, давших самый передовой метод познания истории». Именно этот метод помог Толстому, избежав модернизации при освещении далёкой эпохи, увидеть в ней то содержание, которое представляет главное значение для советского общества. В его романе история дана в движении, и В. Щербина наглядно показывает, как такой диалектический подход к материалу истории, пронизав всю идейную и художественную структуру романа, позволил писателю посмотреть на отдалённое прошлое с вершин настоящего, позволил увидеть историю в её неуклонном движении вперёд, по пути прогресса.

Таким образом, в романе о Петре I так

же, как и в «Хождении по мукам», критика прежде всего интересуется конкретный процесс становления и развития Толстого как выдающегося представителя литературы социалистического реализма. Единая эстетическая оценка, взыскательная и исторически конкретная, которая объединяет все частные наблюдения исследователя, как раз и обуславливается его стремлением правильно понять и оценить вклад Толстого в литературу социалистического реализма. В его книге Толстой дан работающим — ищущим, по временам ошибающимся, всё снова и снова проверяющим своё творческое умение, беспокойным и страстным ревнителем жизненной правды, взыскательным и строгим к себе мастером. И этого результата Щербина достигает, не загромождая книгу текстологическим материалом и почти не обращаясь к сравнительному анализу различных вариантов тех или иных произведений писателя. Движение идей и развитие художественного мастерства писателя он открывает в самой ткани основных произведений Толстого. И в этом нагляднее всего проявляется зрелость критического метода исследователя. Когда В. Щербина прослеживает, как углубление идейного замысла в «Хождении по мукам» сказывалось на художественной ткани романа, как новое отношение писателя к материалу романа вызывало к жизни и новые методы его композиции и стилиевой обработки, то такие наблюдения критика воспринимаются с особым вниманием, ибо за ними чувствуется нечто большее, чем просто хорошее знание текстов изучаемого писателя.

Самое ценное тут состоит в том, что эстетические нормативы социалистического реализма, которыми мы до сих пор ещё нередко пользуемся метафизически-иллюстративно и догматически, как бы входят в самую плоть исследования. Критик видит Толстого в живой непосредственности его творческих исканий и при этом ни на минуту не забывает цель этих исканий — то всё более и более полное приближение к исторической и жизненной правде, которое предугазано методом социалистического реализма. История идейного развития автора «Хождения по мукам» раскрывается поэтому перед нами одновременно как история его эстетического развития, а исторический анализ совмещается в лучших главах книги Щерины с углублёнными эстетическими оценками важнейших произведений писателя.

В достижении такого единства и заключено главное условие успешности работы

критика, поставившего перед собой задачу создания критического портрета того или иного писателя. В. Щербина этого единства достиг, и мы можем поэтому сказать, что он дал в своей книге верный — разносторонний и содержательный — образ одного из крупнейших представителей советской литературы.

К сожалению, наряду с отлично написанными главами («Первые годы творчества», «Поиски героя», «На чужих перепутьях» и особенно «Эпопея революции и гражданской войны» и «Пётр первый») в книге есть главы, написанные эскизно. Анализ таких замечательных произведений Толстого, как трилогия об Иване Грозном или повесть «Хлеб», осуществлён, например, критиком несколько торопливо. Анализ этот верен в своих основных чертах, но всё время хочется сказать автору: остановитесь, развейте эту мысль! В частности, когда Щербина заявляет, что «в «Хлебе» писатель горячо полемизировал с тенденцией некоторых писателей делать «своими основными героями людей, стоящих в стороне от великих событий революции», то ценность этого утверждения ослабляется, поскольку мы так и не знаем, что это были за писатели, с которыми полемизировал Толстой, и как эта полемика отразилась в художественной ткани повести.

В главе «Язык А. Н. Толстого» В. Щербина начал важный и интересный разговор о характерных чертах Толстого-стилиста. Это одна из первых попыток в нашей критике дать развёрнутое рассмотрение проблем литературного языка советской прозы. И, надо признать, что автор книги сказал немало ценного по этому вопросу. Он показал богатство и своеобразие языка Толстого, раскрыл специфические для писателя методы работы над словом.

Интересно, например, такое наблюдение критика: «Отрицая нагромождение эпитетов, их цветистость или необычность, он глубоко верил прежде всего во внутреннюю силу самых обычных, но верно выбранных эпитетов». Приведя такие эпитеты, действительно простые и обыденные, критик делает вывод: «Всем этим очень обыденным, точным, конкретным определениям сочетание с другими словами придает свежесть и но-

визну». Однако эти свои верные положения критик не развил до конца, не сделал из своих метких и тонких наблюдений развёрнутых выводов. Как известно, обыденный эпитет обретает разящую силу художественного воздействия не всегда. Такую силу, как пишет сам критик, ему даёт только «сочетание с другими словами», то есть включение в некую художественную закономерность, умело созданную писателем и с необходимостью, требующую именно «обыденного» эпитета, приобретающего в силу точного писательского расчёта новую впечатляющую энергию.

Также нам хотелось бы, чтобы автор книги развернул своё справедливое утверждение о том, что, «став зрелым художником, А. Н. Толстой в числе других писателей-реалистов повёл решительную борьбу с декадентскими и вульгаризаторскими воззрениями на язык. Всегда отрицательно относился он к порочным «теориям» марровской школы».

Тезис этот очень важен. Если бы критик доказал его, читатели бы восприняли цитированное утверждение с огромным интересом.

Хочется, чтобы ко второму изданию книги В. Щербина доработал и развил те её разделы, которые сейчас по своему уровню отстают от таких глав, как глава о раннем творчестве Толстого или главы о его лучших романах — «Хождение по мукам» и «Пётр I».

Чрезвычайно важно также, чтобы во втором издании книги вопросы развития в творчестве А. Н. Толстого традиций великой русской литературы XIX века получили полное и всестороннее отражение.

В. Щербина написал нужную, методологически чётко продуманную и целеустремлённо организованную книгу. Ему хорошо удалось показать, что Толстой в своём творчестве «утверждал активный, действенный патриотизм, направленный на укрепление могущества и славы нашей социалистической родины», что он «показал родину в её стремительном историческом росте». Монография о А. Н. Толстом, несомненно, займёт видное место в советском литературоведении.